

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Рождественская сказка

* * *

Прекраснейшую сегодня проповедь сказал, для праздника, наш сельский батюшка.

– Много столетий тому назад, – сказал он, – в этот самый день пришла в мир Правда.

Правда извечна. Она прежде всех век восседала с Христом#человеколюбом одесную отца, вместе с ним воплотилась и возжгла на земле свой светоч. Она стояла у подножия креста и сораспиналась с Христом; она восседала, в виде светозарного ангела, у гроба его и видела его воскресение. И когда человеколюбец вознесся на небо, то оставил на земле Правду как живое свидетельство своего неизменного благоволения к роду человеческому.

С тех пор нет уголка в целом мире, в который не проникла бы Правда и не наполнила бы его собою. Правда воспитывает нашу совесть, согревает наши сердца, оживляет наш труд, указывает цель, к которой должна быть направлена наша жизнь. Огорченные сердца находят в ней верное и всегда открытое убежище, в котором они могут успокоиться и утешиться от случайных волнений жизни.

Неправильно думают те, которые утверждают, что Правда когда#либо скрывала лицо свое, или – что еще горше – была когда#либо побеждена Неправдою. Нет, даже в те скорбные минуты, когда недалёковидным людям казалось, что торжествует отец лжи, в действительности торжествовала Правда. Она одна не имела временного характера, одна неизменно шла вперед, простирая над миром крыле свои и освещая его присносущим светом своим. Мнимое торжество лжи рассеивалось, как тяжкий сон, а Правда продолжала шествие свое.

Вместе с гонимыми и униженными Правда сходила в подземелья и проникала в горные ущелия. Она восходила с праведниками на костры и становилась рядом с ними перед лицом мучителей. Она воздвигала в их душах священный пламень, отгоняла от них помыслы малодушия и измены; она учила их страдать всладце. Тщетно служители отца лжи мнили торжествовать, видя это торжество в тех вещественных признаках, которые представляли собой казни и смерть. Самые лютые казни были бессильны сломить Правду, а, напротив, сообщали ей вящую притягивающую силу. При виде этих казней загорались простые сердца, и в них Правда обретала новую благодарную почву для сеяния. Костры пылали и пожирали тела праведников, но от пламени этих костров возжигалось бесчисленное множество светочей, подобно тому, как в светлую утреню от пламени одной возжженной свечи внезапно освещается весь храм тысячами свечей.

В чем же заключается Правда, о которой я беседую с вами? На этот вопрос отвечает нам евангельская заповедь. Прежде всего, люби бога, и затем люби ближнего, как самого себя. Заповедь эта, несмотря на свою краткость, заключает в себе всю мудрость, весь смысл человеческой жизни.

Люби бога – ибо он жизнодавец и человеколюбец, ибо в нем источник добра, нравственной красоты и истины. В нем – Правда. В этом самом храме, где приносится бескровная жертва богу, – в нем же совершается и непрестанное служение Правде. Все стены его пропитаны Правдой, так что вы, – даже худшие из вас, – входя в храм, чувствуете себя умиротворенными и просветленными. Здесь, перед лицом распятого, вы утоляете печали ваши; здесь обретаете покой для смущенных душ ваших. Он был распят ради Правды, лучи которой излились от него на весь мир, – вы ли ослабнете духом перед постигающими вас испытаниями?

Люби ближнего, как самого себя, – такова вторая половина Христовой заповеди. Я не буду говорить о том, что без любви к ближнему невозможно общежитие, – скажу прямо, без оговорок: любовь эта, сама по себе, помимо всяких сторонних соображений, есть краса и ликование нашей жизни. Мы должны любить ближнего не ради взаимности, но ради самой любви. Должны любить непрестанно, самоотверженно, с готовностью положить душу, подобно тому, как добрый пастырь полагает душу за овец своих.

Мы должны стремиться к ближнему на помощь, не рассчитывая, возвратит он или не возвратит оказанную ему услугу; мы должны защитить его от невзгод, хотя бы невзгода угрожала поглотить нас самих; мы должны предстательствовать за него перед сильными мира, должны идти за него в бой. Чувство любви к ближнему есть то высшее сокровище, которым обладает только человек и которое отличает его от прочих животных. Без его оживотворяющего духа все дела человеческие мертвы, без него тускнеет и становится непонятною самая цель существования. Только те люди живут полною жизнью, которые пламенеют любовью и самоотвержением; только они одни знают действительные радования жизни.

Итак, будем любить бога и друг друга – таков смысл человеческой Правды. Будем искать ее и пойдем по стезе ее. Не убоимся козней лжи, но станем добре и противопоставим им обретенную нами Правду. Ложь посрамится, а Правда останется и будет согревать сердца людей.

Теперь вы возвратитесь в дома ваши и предадитесь веселию о празднике рождества господа и человеколюбца. Но и среди веселия вашего не забывайте, что с ним пришла в мир Правда, что она во все дни, часы и минуты присутствует посреди вас и что она представляет собою тот священный огонь, который освещает и согревает человеческое существование.

Когда батюшка кончил и с клироса раздалось: «Буди имя господне благословенно», то по всей церкви пронесся глубокий вздох. Точно вся громада молящихся этим вздохом подтверждала: «Да, буди благословенно!»

Но из присутствовавших в церкви всех внимательнее вслушивался в слова отца Павла десятилетний сын мелкой землевладелицы Сережа Русланцев. По временам он даже обнаруживал волнение, глаза его наполнились слезами, щеки горели, и сам он всем корпусом подавался вперед, точно хотел о чем-то спросить.

Марья Сергеевна Русланцева была молодая вдова и имела крохотную усадьбу в самом селе. Во времена крепостной зависимости в селе было до семи помещичьих усадеб, отстоявших в недалеком друг от друга расстоянии. Помещики были мелкопоместные, а Федор Павлыч Русланцев принадлежал к числу самых бедных: у него всего было три крестьянских двора да с десяток дворовых. Но так как его почти постоянно выбирали на разные должности, то служба помогала ему составить небольшой капитал. Когда наступило освобождение, он получил, в качестве мелкопоместного, льготный выкуп и, продолжая полевое хозяйство на оставшемся за наделом клочке земли, мог изо дня в день существовать.

Марья Сергеевна вышла за него замуж значительное время спустя после крестьянского освобождения, а через год уже была вдовой. Федор Павлыч осматривал верхом свой лесной участок, лошадь чего-то испугалась, вышибла его из седла, и он расшиб голову об дерево. Через два месяца у молодой вдовы родился сын.

Жила Марья Сергеевна более нежели скромно. Полеводство она нарушила, отдала землю в кортому крестьянам, а за собой оставила усадьбу с небольшим лоскутком земли, на котором был разведен садик с небольшим огородцем. Весь ее хозяйственный живой инвентарь заключался в одной лошади и трех коровах; вся прислуга – из одной семьи бывших дворовых, состоявшей из ее старой няньки с дочерью и женатым сыном. Нянька присматривала за всем в доме и пестовала маленького Сережу; дочь – кухарничала, сын с женою ходили за скотом, за птицей, обрабатывали огород, сад и проч. Жизнь потекла бесшумно. Нужды не чувствовалось; дрова и главные предметы продовольствия были некупленные, а

на покупное почти совсем запроса не существовало. Домочадцы говорили: «Точно в раю живем!» Сама Марья Сергеевна тоже забыла, что существует на свете иная жизнь (она мельком видела ее из окон института, в котором воспитывалась). Только Сережа по временам тревожил ее. Сначала он рос хорошо, но, приближаясь к семи годам, начал обнаруживать признаки какой-то болезненной впечатлительности.

Это был мальчик понятливый, тихий, но в то же время слабый и болезненный. С семи лет Марья Сергеевна засадила его за грамоту; сначала учила сама, но потом, когда мальчик стал приближаться к десяти годам, в ученье принял участие и отец Павел. Предполагалось отдать Сережу в гимназию, а следовательно, требовалось познакомить его хоть с первыми основаниями древних языков. Время близилось, и Марья Сергеевна в большом смущении помышляла о предстоящей разлуке с сыном. Только ценою этой разлуки можно было достигнуть воспитательных целей. Губернский город отстоял далеко, и переселиться туда при шести-семистах годового дохода не представлялось возможности. Она уже вела о Сереже переписку с своим родным братом, который жил в губернском городе, занимая невидную должность, и на днях получила письмо, в котором брат соглашался принять Сережу в свою семью.

По возвращении из церкви, за чаем, Сережа продолжал волноваться.

– Я, мамочка, по правде жить хочу! – повторял он.

– Да, голубчик, в жизни главное – правда, – успокоивала его мать, – только твоя жизнь еще впереди. Дети иначе не живут, да и жить не могут, как по правде.

– Нет, я не так хочу жить; батюшка говорил, что тот, кто по правде живет, должен ближнего от обид защищать. Вот как нужно жить, а я разве так живу? Вот, намердись, у Ивана Бедного корову продали – разве я заступился за него? Я только смотрел и плакал.

– Вот в этих слезах – и правда твоя детская. Ты и сделать ничего другого не мог. Продали у Ивана Бедного корову – по закону, за долг. Закон такой есть, что всякий долги свои уплачивать обязан.

– Иван, мама, не мог заплатить. Он и хотел бы, да не мог. И няня говорит: «Беднее его во всем селе мужика нет». Какая же это правда?

– Повторяю тебе, закон такой есть, и все должны закон исполнять. Ежели люди живут в обществе, то и обязанностями своими не имеют права пренебрегать. Ты лучше об ученье думай – вот твоя правда. Поступишь в гимназию, будь прилежен, веди себя тихо – это и будет значить, что ты по правде живешь. Не люблю я, когда ты так волнуешься. Что ни увидишь, что ни услышишь – все как-то в сердце тебе западает. Батюшка говорил вообще; в церкви и говорить иначе нельзя, а ты уж к себе применяешь. Молись за ближних – больше этого и бог с тебя не спросит.

Но Сережа не унялся. Он побежал в кухню, где в это время собрались челядинцы и пили, ради праздника, чай. Кухарка Степанида хлопотала около печки с ухватом и то и дело вытаскивала горшок с закипающими жирными щами. Запах прелой убоины и праздничного пирога пропитал весь воздух.

– Я, няня, по правде жить буду! – объявил Сережа.

– Ишь с коих пор собрался! – пошутила старуха.

– Нет, няня, я верное слово себе дал! Умру за правду, а уж неправде не покорюсь!

– Ах, болезный мой! ишь ведь что тебе в голову пришло!

– Разве ты не слыхала, что в церкви батюшка говорил? За правду жизнь полагать надо – вот что! в бой за правду идти всякий должен!

– Известно, что же в церкви и говорить! На то и церковь дана, чтобы в ней об праведных делах слушать. Только ты, миленький, слушать слушай, а умом тоже раскидывай!

– С правдой-то жить оглядываючись надо, – резонно молвил работник Григорий.

– Отчего, например, мы с мамой в столовой чай пьем, а вы в кухне? разве это правда? – горячился Сережа.

– Правда не правда, а так испокон века идет. Мы люди простецкие, нам и на кухне хорошо. Кабы все#то в столовую пошли, так и комнат не наготовиться бы.

– Ты, Сергей Федорыч, вот что! – вновь вступился Григорий, – когда будешь большой – где хочешь сиди: хошь в столовой, хошь в кухне. А покедова мал, сиди с мамашенькой – лучше этой правды по своим годам не сыщешь! Придет уж батюшка обедать, и он тебе то же скажет. Мы мало ли что делаем: и за скотиной ходим, и в земле роемся, а господам этого не приходится. Так#то!

– Да ведь это же неправда и есть!

– А по#нашему так: коли господа добрые, жалостливые – это их правда. А коли мы, рабочие, усердно господам служим, не обманываем, стараемся – это наша правда. Спасибо и на том, ежели всякий свою правду наблюдает.

Наступило минутное молчание. Сережа, видимо, хотел что#то возразить, но доводы Григория были так добродушны, что он поколебался.

– В нашей стороне, – первая прервала молчание няня, – откуда мы с маменькой твоей приехали, жил помещик Рассошников. Сначала жил, как и прочие, и вдруг захотел по правде жить. И что ж он под конец сделал? – Продал имение, деньги нищим роздал, а сам ушел в странствие... С тех пор его и не видели.

– Ах, няня! вот это какой человек!

– А между прочим, у него сын в Петербурге в полку служил, – прибавила няня.

– Отец имение роздал, а сын ни при чем остался... Сына#то бы спросить, хороша ли отцовская правда? – рассудил Григорий.

– А сын разве не понял, что отец по правде поступил? – вступился Сережа.

– То#то, что не слишком он это понял, а тоже пытал хлопотать. Зачем же, говорит, он в полк меня определил, коли мне теперь содержать себя нечем?

– В полк определил... содержать себя нечем... – машинально повторял за Григорием Сережа, запутываясь среди этих сопоставлений.

– И у меня один случай на памяти есть, – продолжал Григорий, – занялся от этого самого Рассошникова у нас на селе мужичок один – Мартыном прозывался. Тоже все деньги, какие были, роздал нищим, оставил только хатку для семьи, а сам надел через плечо суму да и ушел, крадучись, ночью, куда глаза глядят. Только, слышь, пачпорт позабыл выправить – его через месяц и выслали по этапу домой.

– За что? разве он худое что#нибудь сделал? – возразил Сережа.

– Худое не худое, я не об этом говорю, а об том, что по правде жить оглядываючись надо. Без пачпорта ходить не позволяется – вот и вся недолга. Этак все разбредутся, работу бросят – и отбою от них, от бродяг, не будет...

Чай кончился. Все встали из#за стола и помолились.

– Ну, теперь мы обедать будем, – сказала няня, – ступай, голубчик, к маменьке, посиди с ней; скоро, поди, и батюшка с матушкой придут.

Действительно, около двух часов пришел отец Павел с женою.

– Я, батюшка, по правде жить буду! Я за правду на бой пойду! – приветствовал гостей Сережа.

– Вот так вояка выискался! от земли не видать, а уж на бой собрался! – пошутил батюшка.

– Надоел он мне. С утра все об одном и том же говорит, – сказала Марья Сергеевна.

– Ничего, сударыня. Поговорит и забудет.

– Нет, не забуду! – настаивал Сережа, – вы сами давеча говорили, что нужно по правде жить... в церкви говорили!

– На то и церковь установлена, чтобы в ней о правде возвещать. Ежели я, пастырь, своей обязанности не исполню, так церковь сама о правде напомнит. И помимо меня, всякое слово, которое в ней произносится, – правда; одни ожесточенные сердца могут оставаться глухими к ней...

– В церкви? а жить?

– И жить по правде следует. Вот когда ты в меру возраста придешь, тогда и правду в полном объеме поймешь, а покуда достаточно с тебя и той правды, которая твоему возрасту свойственна. Люби маменьку, к старшим почтение имей, учись прилежно, веди себя скромно – вот твоя правда.

– Да ведь мученики... вы сами давеча говорили...

– Были и мученики. За правду и поношение следует принять. Только время для тебя думать об этом не пришло. А притом же и то сказать: тогда было время, а теперь – другое, правда приумножилась – и мучеников не стало.

– Мученики... костры... – лепетал Сережа в смущении.

– Довольно! – нетерпеливо прикрикнула на него Марья Сергеевна.

Сережа умолк, но весь обед оставался задумчив. За обедом велись обыденные разговоры о деревенских делах. Рассказы шли за рассказами, и не всегда из них явствовало, чтобы правда торжествовала. Собственно говоря, не было ни правды, ни неправды, а была обыкновенная жизнь, в тех формах и с тою подкладкою, к которым все искони привыкли. Сережа бесчисленное множество раз слышал эти разговоры и никогда особенно не волновался ими. Но в этот день в его существо проникло что-то новое, что подстрекало и возбуждало его.

– Кушай! – заставляла его мать, видя, что он почти совсем не ест.

– *In corpore sano mens sana*, – с своей стороны прибавил батюшка. – Слушайся маменьки – этим лучше всего свою любовь к правде докажешь. Любить правду должно, но мучеником себя без причины воображать – это уже тщеславие, суетность.

Новое упоминание о правде встревожило Сережу; он наклонился к тарелке и старался есть; но вдруг зарыдал. Все всхлопотались и окружили его.

– Головка болит? – допытывалась Марья Сергеевна.

– Болит, – ответил он слабым голосом.

– Ну, поди, ляг в постельку. Няня, уложи его!

Его увели. Обед на несколько минут прервался, потому что Марья Сергеевна не выдержала и ушла вслед за няней. Наконец обе возвратились и объявили, что Сережа заснул.

– Ничего, уснет – и пройдет! – успокоивал Марью Сергеевну отец Павел.

В вечеру, однако ж, головная боль не только не унялась, но открылся жар. Сережа тревожно вставал ночью в постели и все шарил руками около себя, точно чего-то искал.

– Мартын... по этапу за правду... что такое? – лепетал он бессвязно.

– Какого он Мартына поминает? – недоумевая, обращалась Марья Сергеевна к няне.

– А помните, у нас на селе мужичок был, ушел из дому Христовым именем... Давеча Григорий при Сереже рассказывал.

– Все-то вы глупости рассказываете! – рассердилась Марья Сергеевна, – совсем нельзя к вам мальчика пускать.

На другой день, после ранней обедни, батюшка вызвался съездить в город за лекарем. Город отстоял в сорока верстах, так что нельзя было ждать приезда лекаря раньше как к ночи. Да и лекарь, признаться, был старенький, плохой; никаких других средств не употреблял, кроме оподельдока, который он прописывал и снаружи, и внутрь. В городе об нем говорили: «В медицину не верит, а в оподельдок верит».

Ночью, около одиннадцати часов, лекарь приехал. Осмотрел больного, пощупал пульс и объявил, что есть «жарок». Затем приказал натереть пациента оподельдоком и заставил его два катышка проглотить.

– Жарок есть, но вот увидите, что от оподельдока все как рукой снимет! – солидно объявил он.

Лекаря накормили и уложили спать, а Сережа всю ночь метался и пылал, как в огне.

Несколько раз будили лекаря, но он повторял приемы оподельдока и продолжал уверять, что к утру все как рукой снимет.

Сережа бредил; в бреду он повторял: «Христос... Правда... Рассошников... Мартын...» и продолжал шарить вокруг себя, произнося: «Где? где?..» К утру, однако ж, успокоился и заснул.

Лекарь уехал, сказав: «Вот видите!» – и ссылаясь, что в городе его ждут другие пациенты.

Целый день прошел между страхом и надеждой. Покуда на дворе было светло, больной чувствовал себя лучше, но упадок сил был настолько велик, что он почти не говорил. С наступлением сумерек опять открылся «жарок» и пульс стал биться учащеннее. Марья Сергеевна стояла у его постели в безмолвном ужасе, усиливаясь что-то понять и не понимая.

Оподельдок бросили; няня прикладывала к голове Сережи укусовые компрессы, ставила горчичники, поила липовым цветом, словом сказать, впопад и невпопад употребляла все средства, о которых слыхала и какие были под рукою.

К ночи началась агония. В восемь часов вечера взошел полный месяц, и так как гардины на окнах, по оплошности, не были спущены, то на стене образовалось большое светлое пятно. Сережа приподнялся и потянул к нему руки.

– Мама! – лепетал он, – смотри! весь в белом... это Христос... это Правда... За ним... к нему...

Он опрокинулся на подушку, по-детски всхлипнул и умер.

Правда мелькнула перед ним и напоила его существо блаженством; но неокрепшее сердце отрока не выдержало наплыва и разорвалось.